Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2020. Сагалович «Про благодарность»

В последние годы можно слышать исподволь повторяющуюся фразу: «Поколение фронтовиков уходит, их становится все меньше». Чаще всего эти слова произносят с искренним сожалением, отдавая должное отцам, дедам и прадедам. И тем, кто погиб на войне, и тем, кто умер уже после войны от ран или от старости, и тем, кто еще жив.

Бывает, что слова об уходе старых фронтовиков произносят бездумно и бесстрастно, повторяя их за другими. Бывает — по обязанности.

Встречалось, молодые люди с издевкой относились к боевым орденам, которые фронтовики надевают единожды в году на день Победы.

Я знаю людей, которые, как только заходит речь о войне, переводят беседу на свои туристские походы в надежде сравнить их с боями. Младшие поколения стремятся принизить нравственный подвиг старших во время войны только потому, что подсознательно не могут не преклоняться перед его величием.

Спасибо и за это подсознательное…

Один из читателей упрекнул меня в том, что я будто бы требую от нынешней молодежи помнить о Великой отечественной войне, почитать ее и ее героев, в то время как она так же далека от молодых людей, как Куликовская битва. Заметим, что для сравнения выбрано максимально отдаленное событие. Самую близкую и массовую героику с издевкой задвинули к истокам истории, лишь бы понадежнее избавиться от нее. Хотя можно было бы отправиться поближе, например, к 1612-му году, или к 1812 году. Ведь о Бородинском сражении та же молодежь вспоминает вполне благосклонно. Так в чем же дело? Память о действительно отдаленных событиях ни к чему не обязывает. Можно даже продекламировать несколько строчек из «Бородино» Лермонтова, или вспомнить замечательное стихотворение М. Цветаевой «Генералам двенадцатого года», не заботясь о том, чтобы подкрепить благодарную память действенной, реальной благодарностью к участнику событий, еще живому человеку, которого можно встретить на улице или в лифте.

А благодарность — удел великих душ.

К счастью отнюдь не для всей молодежи наша невиданная ранее война так же далека, как Куликовская битва. Повторюсь, самое главное состоит в том, что сравнение с Куликовской битвой — лукавство. Память о подвиге, о благородстве, о боли и страданиях — обязывает и подражать и сострадать, а потому быть обязанным отнюдь не всем нравится. Лучше не помнить и не знать — так проще жить… Потому-то и сравнивают с Куликовской битвой, что хотят задвинуть память о трагедии новейшей истории подальше от своей совести.

Каким я помню и вижу собирательный облик дорогого мне однополчанина? Бравый подтянутый офицер с гладко выбритым лицом, спрыснутым шипром, в предвкушении принятия награды, сопровождаемой рюмкой — эти внешние симпатичные признаки далеко не исчерпывают офицерской сути. Пехотный офицер — заботливый трудяга, отвечающий за все, все понимающий, смельчак, личный пример которого — непререкаем. Это и пахнущие потом портянки на сбитых сильных мужских ступнях. Это и нажитая боевым опытом мудрость, которая во сто крат шире боевого устава пехоты.

С другой стороны, портрет воина-фронтовика не исчерпывается простуженным голосом, небритым лицом, красными от недосыпания слезящимися глазами и чернотой под ногтями на руках, сжимающих саперную лопату. И, разумеется, жизнь фронтовика — это отнюдь не только невыразимые внутренние страдания. Но часто она выражается и внутренним удовлетворением, и гордостью, и успокоением после удачного боя, когда, ощутив себя живым, можно расслабиться, передохнуть и поесть, да и пропустить несколько живительных глотков.